

≈ 43 мин

На первый взгляд несколько статей Ленина, которые он написал по случаю смерти Льва Толстого, могут показаться простыми. Эта кажущая простота объясняется тем, что в них, по словам советского литературоведа Бориса Эйхенбаума, *«нет никакого словесного тумана и „академической“ фразеологии, однако по мыслям они сложнее многих монографических сочинений»*¹. Сейчас эти тексты о классике мировой литературы стали уже хрестоматийными. И причина этого лежит в глубине и точности анализа произведений Толстого.

Не без подачи Г. Плеханова трактовка произведений искусства с якобы марксистских позиций приводила к довольно-таки примитивным выводам. Например, что Толстой выражал только психологию ущемлённого дворянина, а Пушкин воспевал только радости и затруднения капитализирующихся помещиков². То есть творчество писателя целиком выводилось из его классовой принадлежности. Если бы это было так, то Энгельсу незачем было бы писать письма к Маргарет Гаркнес, формулировать классическое определение реализма³ и говорить о том, что Бальзак дал ему больше знаний о французском обществе с 1816 до 1848 года, чем книги *«всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, взятых вместе»*⁴.

Никто, кроме Ленина, не смог лучше понять причину противоречий в творчестве и в мировоззрении писателя. Отмечая эти противоречия, Ленин утверждает, что они *«не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века»*.

Ценность статей Ленина как раз в том, что он применил классовый подход в его

действительном, а не поверхностном, значении, объясняя произведения выдающегося писателя из общественного бытия в широком историческом смысле, из взаимоотношения и борьбы всех классов общества.

«Если перед нами действительно великий художник, — пишет Ленин, — то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях».

Подобно Бальзаку, Толстой смог возвыситься над ограниченностью своей среды. Именно это дало ему возможность выразить страдания и гнев миллионной народной массы, *«которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая ещё не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними».*

Так почему Лев Толстой стал зеркалом русской революции? Если искусство отражает внешнюю действительность, то оно не может не быть зеркалом объективной, всесторонней человеческой практики, в том числе Первой русской революции, как это видно на примере творчества Льва Толстого.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция – явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего,

тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях.

Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писак, которым вчера было ведено травить Л. Толстого, а сегодня – отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого рода заплачено за их писания, это всем известно, и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное. Послушать кадетских балалайкиных из “Речи”⁵ – сочувствие их Толстому самое полное и самое горячее. На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о “великом богоискателе” – одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции, он старается громом и треском фраз заглушить потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия “толстовщины”, какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого –

действительно кричащие.

С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны – помещик, юродствующий во Христе.

С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, – с другой стороны, “толстовец”, т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: “я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками”.

С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, – юродивая проповедь “непротивления злу” насилием.

С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; – с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности – попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине:

Ты и убогая, ты и обильная,

Ты и могучая, ты и бессильная –

Матушка Русь!

Что при таких противоречиях Толстой не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции, это само собою очевидно. Но противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску⁶.

Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней.

Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, – и поэтому совсем мизерны заграничные и русские “толстовцы”, пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции.

Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, – действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции. С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, – это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному “христианскому анархизму”, как оценивают иногда “систему” его взглядов.

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения.

Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы. В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть

поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала “ходателей”, – совсем в духе Льва Николаича Толстого! И, как всегда бывает в таких случаях, толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринципных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали с собрания трудовиков в переднюю Столыпина ⁷, кланчили, торговались, примиряли, обещали примирить, – пока их не выгнали пинком солдатского сапога. Толстовские идеи, это – зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости “хозяйственного мужичка”.

Возьмите солдатские восстания 1905–1906 годов. Социальный состав этих борцов нашей революции – промежуточный между крестьянством и пролетариатом. Последний в меньшинстве; поэтому движение в войсках не показывает даже приблизительно такой всероссийской сплоченности, такой партийной сознательности, которые обнаружены пролетариатом, точно по мановению руки ставшим социал-демократическим. С другой стороны, нет ничего ошибочнее мнения, будто причиной неудачи солдатских восстаний было отсутствие руководителей из офицерства. Напротив, гигантский прогресс революции со времен Народной воли ⁸ сказался именно в том, что за ружье взялась против начальства “серая скотинка”, самостоятельность которой так напугала либеральных помещиков и либеральное офицерство. Солдат был

полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза загорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, – но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо – совсем в духе Льва Николаича Толстого!

Народовольцы вели героическую борьбу против самодержавия, но, исходя из ошибочной теории об “активных” героях и “пассивной” толпе, они рассчитывали добиться переустройства общества без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора, устрашения и дезорганизации правительства. После 1 марта 1881 года (убийство Александра II) правительство путем жестоких преследований, казней и провокаций разгромило организацию “Народная воля”. Неоднократные попытки возродить “Народную волю”, предпринимавшиеся на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла группа во главе с А.И. Ульяновым (братом В.И. Ленина) и П.Я. Швыревым, разделявшая традиции “Народной воли”. После неудачной попытки организовать покушение на Александра III в 1887 году группа была раскрыта и активные участники ее казнены.

Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, – и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу,

бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании,

Говорят, что разбитые армии хорошо учатся. Конечно, сравнение революционных классов с армиями верно только в очень ограниченном смысле. Развитие капитализма с каждым часом видоизменяет и обостряет те условия, которые толкали крестьянские миллионы, сплоченные вместе ненавистью к помещикам-крепостникам и к их правительству, на революционно-демократическую борьбу. В самом крестьянстве рост обмена, господства рынка и власти денег все более вытесняет патриархальную старину и патриархальную толстовскую идеологию. Но одно приобретение первых лет революции и первых поражений в массовой революционной борьбе несомненно: это – смертельный удар, нанесенный прежней рыхлости и дряблости масс. Разграничительные линии стали резче. Классы и партии размежевались. Под молотом столыпинских уроков, при неуклонной, выдержанной агитации революционных социал-демократов, не только социалистический пролетариат, но и демократические массы крестьянства будут неизбежно выдвигать все более закаленных борцов, все менее способных впадать в наш исторический грех толстовщины!

Пролетарий, 1908, 11(24) сентября, № 35

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, – к

мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной рабочими депутатами III Думы⁹.

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху.

В чем сказывались переживания крепостного права? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране по преимуществу земледельческой, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищавших крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А, с другой стороны, земледелие было в руках помещиков, которые в центральной России обрабатывали земли трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской лошадей за “отрезные земли”, за покосы, за водопои и т. д. В сущности, это – старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это время был тоже насквозь пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его в 1905 году, и по преобладающему влиянию

дворян-землевладельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были главным образом – особенно высшие – из дворян-землевладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря “дешевому труду” разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых “устоев” старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая ломка всех “старых устоев” деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мирозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, – он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился со страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и

лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение.

Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении “дойти до корня”, найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских “хитровцев” и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, “непротивление злу”, бессильные проклятья по адресу капитализма и “власти денег”. Протест миллионов крестьян и их отчаяние – вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им

есть против чего, но отчаиваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России. Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит.

“Наш Путь” № 7, 28 ноября 1910 г. Подпись: В. И-ин

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

Л.Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, – он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа главным образом к эпохе 1861–1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях – и как художник, и как мыслитель и проповедник – черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была крестьянская буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не признавало этой последней задачи, не признавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого

средневекового землевладения, о “расчистке земли” для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горн злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передаст психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-“надельное”, стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все “устои” деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис – все бедствия “эпохи первоначального накопления”, обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном¹⁰.

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил

вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о “непротивлении злу”, привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905–1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого – не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть

вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, – доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии, – возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к “великому писателю” и в то же время защищая “святейший” синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой “раскаялся”. Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделяются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о “голосе цивилизованного человечества”, о “единодушном отклике мира”, об “идеях правды, добра” и т.д., за которые так бичевал Толстой – и справедливо бичевал – буржуазную науку. Они не могут высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, – не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! – а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; – потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка Толстым

самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени бьет в лицо шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, “цивилизованной” лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики. Либералы горой за Толстого, горой против синода – и вместе с тем они за... веховцев¹¹, с которыми “можно спорить”, но с которыми “надо” ужиться в одной партии, “надо” работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Волынский¹².

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой – “великая совесть”. Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и “Новое Время”, и все ему подобные? Разве это не обход тех конкретных вопросов демократии и социализма, которые Толстым поставлены? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности – не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещицкому

землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма – не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились спланировать в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

“Социал-Демократ” №18, 16 (29) ноября 1910 г.

ТОЛСТОЙ И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА

Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, “законный” брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата. Чья же точка зрения отразилась в проповеди Льва Толстого? Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними.

История и исход великой русской революции показали, что именно таковой была та масса, которая оказалась между сознательным, социалистическим пролетариатом и решительными защитниками старого режима. Эта масса, –

главным образом, крестьянство, – показала в революции, как велика в ней ненависть к старому, как живо ощущает она все тягости современного режима, как велико в ней стихийное стремление освободиться от них и найти лучшую жизнь.

И в то же время эта масса показала в революции, что в своей ненависти она недостаточно сознательна, в своей борьбе непоследовательна, в своих поисках лучшей жизни ограничена узкими пределами.

Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого.

Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в учении Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед.

Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого “общей совестью”, “учителем жизни”. Это – ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как “учителе жизни”, повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы.

Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить

ненавистный Толстому старый мир, – у пролетариата.

“Рабочая Газета” №2, 18 (31) декабря 1910 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ЭПОХА

Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 года. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил все отличительные черты и произведений Толстого и “толстовщины”.

Устами К. Левина в “Анне Карениной” Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека.

“...Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые, Левин знал, принято считать чем-то очень низким,.. теперь для Левина казались одни важными. “Это, может быть, неважно было при крепостном право, или неважно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все это переверотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России”, – думал Левин”(Соч., т. X, стр. 137).

“У нас теперь все это переверотилось и только укладывается”, – трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861–1905 годов. То,

что *“переворотилось”*, хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это – крепостное право и весь *“старый порядок”*, ему соответствующий. То, что *“только укладывается”*, совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот *“только укладываемый”* буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала – Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой *“Англии”*, связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать, принципиально. Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что *“укладывается”* в России никакой иной, как буржуазный строй.

Справедливо, что если не *“единственно важным”*, то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861–1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос, *“как уложится”* этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в *“Англии”*, Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения *“вечных”* начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого (*“переворотившегося”*) строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов.

В *“Люцерне”* (писано в 1857 году) Л. Толстой объявляет, что признание *“цивилизации”* благом есть *“воображаемое знание”*, которое *“уничтожает*

инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре". *"Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, - восклицает Толстой, - Всемирный Дух, проникающий нас"* (Соч., II, 125).

В "Рабстве нашего времени" (писано в 1900 году) Толстой, повторяя еще усерднее эти апелляции к Всемирному Духу, объявляет *"мнимой наукой"* политическую экономию за то, что она берет за *"образец"* *"маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, Англию"*, - вместо того, чтобы брать за образец *"положение людей всего мира за все историческое время"*. Каков этот *"весь мир"*, это нам открывает статья "Прогресс и определение образования" (1862 г.). Взгляд "историков", будто прогресс есть *"общий закон для человечества"*, Толстой побивает ссылкой на *"весь так называемый Восток"* (IV, 162).

"Общего закона движения вперед человечества нет, - заявляет Толстой, - как то нам доказывают неподвижные восточные народы".

Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что *"все - ничто, все - материальное ничто"* ("О смысле жизни", стр. 52), и вера в "Дух", *"начало всего"*, по отношению к каковому началу человек есть лишь *"работник"*, *"приставленный к делу спасения своей души"*, и т. д. Толстой верен этой идеологии и в "Крейцеровой сонате", когда он говорит: *"эмансипация женщины не на курсах и не в палатах, а в спальне"*, - и в статье 1862 года, объявляющей, что университеты готовят

только *“раздраженных, больных либералов”*, которые *“совсем не нужны народу”*, *“бесцельно оторваны от прежней среды”*, *“не находят себе места в жизни”* и т. п. (IV, 136-137).

Пессимизм, непротивленство, апелляция к *“Духу”* есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй *“переворотился”* и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, каков *“укладывающийся”* новый строй, какие общественные силы и как именно его *“укладывают”*, какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам *“ломки”*.

Период 1862-1904 годов был именно такой эпохой ломки в России, когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось, причем общественные силы, эту укладку творящие, впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году. А за событиями 1905 года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств того самого *“Востока”*, на *“неподвижность”* которого ссылался Толстой в 1862 году. 1905 год был началом конца *“восточной”* неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого – не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени.

Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов.

Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодалный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер такого социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом наряду с оценкой других видов социализма.

Далее. Критические элементы свойственны утопическому учению Л. Толстого так же, как они свойственны многим утопическим системам. Но не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме *“стоит в обратном отношении к историческому развитию”*. Чем больше развивается, чем более определенный характер принимает деятельность тех общественных сил, которые *“укладывают”* новую Россию и несут избавление от современных социальных бедствий, тем быстрее критически-утопический социализм *“лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания”*.

Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения вопреки реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего,

скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло не мало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, после того, как ряд указанных выше событий положил конец “восточной” неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узкоклассовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи “веховцев” среди либеральной буржуазии, – когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав “ликвидаторское” течение, – в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его “непротивленства”, его апелляций к “Духу”, его призывов к “*нравственному самоусовершенствованию*”, его доктрины “*совести*” и всеобщей “*любви*”, его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред.

Звезда, 1911, 22 января (4 февраля), №6. Подпись: В. Ильин

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. [О взглядах Ленина на историческое значение Толстого.](#) ↵

2. **Ленинизм и художественная критика.** ←
3. **Письмо Маргарет Гаркнесс.** ←
4. **ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О БАЛЬЗАКЕ.** ←
5. “Речь” – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года под фактической редакцией П.Н. Милюкова и И.В. Гессена, при ближайшем участии М.М. Винавера, П.Д. Долгорукова, П.Б. Струве и других. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. Впоследствии (до августа 1918 года) выходила под разными названиями: “Наша Речь”, “Свободная Речь”, “Век”, “Новая Речь”, “Наш Век”. ←
6. **Фиск – государственная казна.** ←
7. **Столыпин П.А. (1862–1911)** – государственный деятель царской России, крупный помещик. В 1906–1911 годах – председатель Совета министров и министр внутренних дел России. С его именем связана полоса жесточайшей политической реакции после поражения первой русской революции (“столыпинская реакция” 1907–1910 гг.). В 1911 году Столыпин был убит в Киеве эсером Богровым. ←
8. “Народная воля” – тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 года в результате раскола народнической организации “Земля и воля”. Во главе “Народной воли” стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А.И. Желябов, А.Д. Михайлов, М.Ф. Фроленко, Н.А. Морозов, В.Н. Фигнер, С.Л. Перовская, А.А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. Их программа предусматривала организацию “постоянного народного представительства”,

избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу и разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. *“Народовольцы, – писал В.И. Ленин, – сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось”* (Полн. собр. соч., т. 9, с. 179). ←

9. Речь идет о телеграмме, посланной социал-демократическими депутатами III Думы в Астапово на имя В.Г. Черткова – близкого друга и последователя Л.Н. Толстого. В ней говорилось: *“Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого, непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых”*. ←
10. “Господин Купон” – образное выражение, принятое в литературе 80-х и 90-х годов XIX в. для обозначения капитала и капиталистов. Выражение “господин Купон” пустил в ход писатель Глеб Успенский в очерках “Грехи тяжкие” (впервые напечатаны в журнале “Русская Мысль”, 1888, книга 12, стр. 174). ←
11. Веховцы – видные кадетские публицисты, представители контрреволюционной либеральной буржуазии Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве и С.Л. Франк, выпустившие весной 1909 года в Москве сборник своих статей под названием “Вехи”. В этих статьях, посвященных русской интеллигенции, “веховцы” пытались опорочить революционно-демократические традиции освободительного движения в России, взгляды и деятельность В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева; они оплевывали революционное движение 1905 года, благодарили царское правительство за то, что оно *“своими штыками и*

тюрьмами” спасло буржуазию “от ярости народной”. Критический разбор и политическую оценку сборника кадетских черносотенцев В.И. Ленин дал в статье “О “Вехах”” (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 167-175). Сравнивая программу “Вех” в философии и в публицистике с программой черносотенной газеты “Московские Ведомости”, Ленин называл сборник “энциклопедией либерального ренегатства”, “сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию”. ↩

12. Антоний Волынский (Храповицкий А.П.) (1863-1936) – ярый черносотенец, глава крайне правого направления в русской православной церкви, один из виднейших проводников реакционной политики царизма. Во время гражданской войны сотрудничал с Деникиным. После разгрома контрреволюции бежал за границу, где стал одним из лидеров монархической эмиграции. ↩